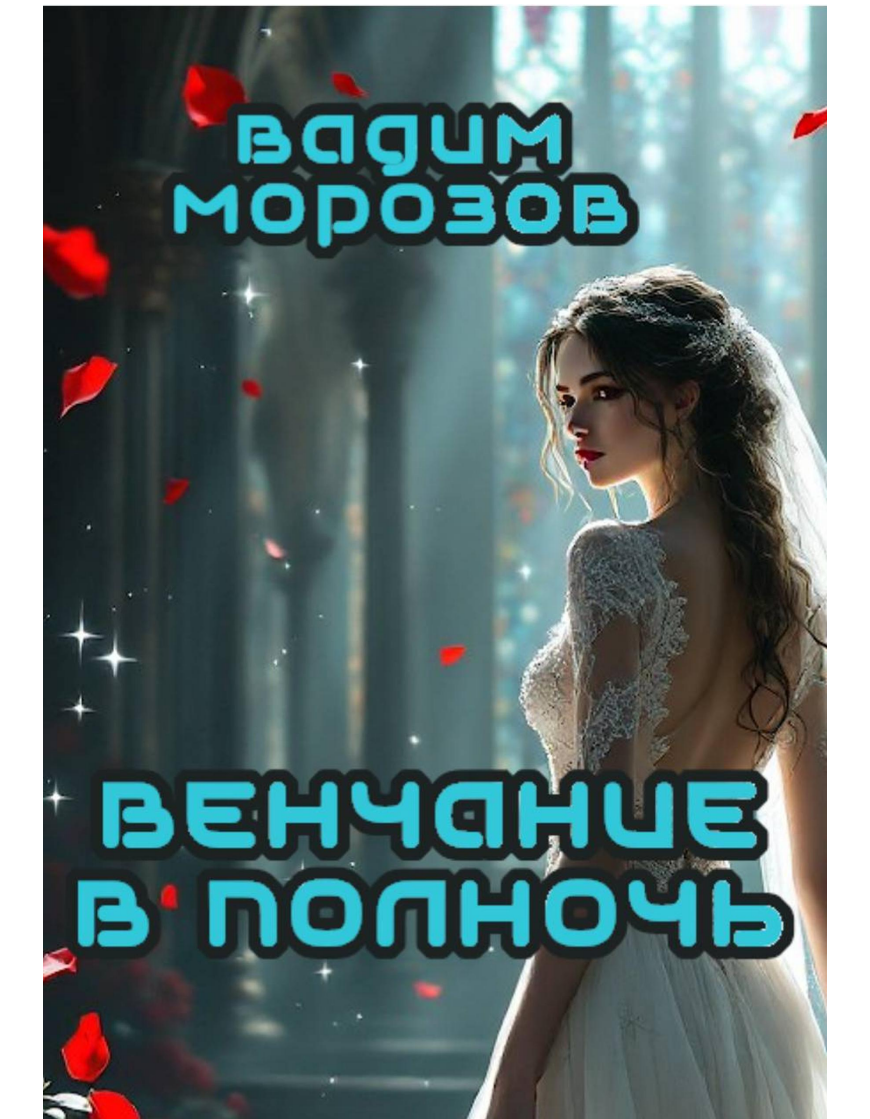

A woman in a white lace wedding dress and veil is shown from the waist up, looking back over her right shoulder. She is positioned on the right side of the frame. The background is a soft-focus scene of a church interior with tall columns and light streaming through stained glass windows. Numerous red rose petals are falling through the air, and there are several bright, multi-pointed starburst light effects scattered throughout the scene.

**ВАДУМ
МОРОЗОВ**

**ВЕНЧАНИЕ
В ПОЛНОЧЬ**

Вадим Морозов

Венчание в полночь

<https://litres.ru/74421304>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город Морхейвен охвачен страшной чумой: люди засыпают и не просыпаются. Единственная надежда на спасение — древний Обряд Полночного Венчания. Элара должна провести три ночи в замке с лордом Каспианом — «эхом» человека, застрывшим во времени на сто лет.

Церковь обещает, что ритуал снимет проклятие, но Каспиан предупреждает: архиепископ Малахия лжет. Раскрыв мрачную тайну своей давно исчезнувшей матери, Элара понимает, что обряд — лишь жестокая ловушка темных сил. Ей предстоит столкнуться с древним злом и сделать невозможный выбор между долгом перед городом и чувствами к тому, кого мир считает мертвецом.

Мистическая готическая история о любви, что сильнее смерти, и о девушке, которая решилась бросить вызов судьбе, чтобы переписать правила магии.

Содержание

Глава 1. Обряд	4
Глава 2. Первая ночь	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вадим Морозов

Венчание в полночь

Глава 1. Обряд

Дверь пахла железом и чем-то сладким — тем самым запахом, который Элара помнила с детства, из комнаты матери в ночь, когда та исчезла. Запах увядших лилий. Или других цветов — она так и не научилась их различать. С тех пор, как мать ушла, все цветы в мире пахли для неё одинаково. Горько. Как прощание.

Священник толкнул её в спину — не грубо, но настойчиво, как толкают скотину через узкий загон. Ладонь его была сухой и горячей, и след от неё жёг сквозь ткань платья. Элара невольно вжала плечи — привычка, выученная ещё в детстве: становиться меньше, занимать меньше места, не мешать.

— Входи. Не оборачивайся до рассвета. Что бы ни услышала — не оборачивайся.

— А что я услышу? — спросила она. Голос её прозвучал тоньше, чем хотелось. Тоньше, чем была она сама.

Священник не ответил. Дверь закрылась за ней с гулким стуком, и замок щёлкнул снаружи — коротко, как выстрел. Звук этот отозвался где-то в животе, и Элара поймала себя

на том, что прижала ладонь к платью, будто могла удержать сердце на месте.

Она осталась одна.

Комната была больше, чем казалась снаружи. Потолок уходил в темноту, и балки перекрытий терялись где-то наверху, будто комната не имела крыши и открывалась прямо в ночное небо. Но неба не было. Была только тьма — густая, плотная, такая, что хотелось провести рукой и почувствовать, как она отступает.

Элара провела. Пальцы её встретили только воздух — холодный, неподвижный, с тем самым сладковатым привкусом на языке. От неё пахло не лилиями. Пахло им. Им, кого здесь ждали. Или кто здесь жил.

На столе горели свечи. Две — по краям белой скатерти, и пламя их не дрожало, хотя из-под двери тянуло сквозняком. Она это почувствовала кожей — холодком на шее, — но пламя стояло ровно, будто приросло к фитилям. Между свечами — хлеб, соль, кубок с вином цвета перезрелой вишни. Тёмным. Почти чёрным.

И третий кубок. Пустой.

Элара уставилась на него. В обряде говорилось о двух участниках — невесте и женихе. Она помнила слова архиепископа, произнесённые вчера в соборе, при свечах, когда его голос звучал так, будто каждое слово было вырезано на камне: «Ты войдёшь одна. Он будет ждать. Вы разделите хлеб и вино, и если ты примешь его — проклятие отступит.»

Двое. Не трое.

Тогда для кого третий?

Она обвела взглядом комнату. Тёмные углы. Пустые стены. Зеркало, в котором отражалось только пламя свечей — и больше ничего. Может, кубок стоял здесь давно, забытый, оставшийся от какого-то другого ужина, другой ночи, другой жизни? Но скатерть была чистой. Белой. Свежей. И хлеб — мягкий, с золотистой коркой, будто его испекли сегодня утром. Кто-то готовил этот стол. Кто-то расставлял кубки. И если третий стоял здесь — значит, он был нужен.

Мысль эта кольнула — тонко, как иголка под ноготь. Эларра почувствовала, как по затылку, от самого основания черепа, пополз холод. Не сквозняк. Что-то другое. Ощущение, что на неё смотрят.

Она обернулась — медленно, боясь резких движений, — и увидела его.

Он сидел в кресле у камина — так тихо, что она сначала приняла его за тень, за часть темноты, которая просто сгустилась в углу. Высокая фигура в тёмном камзоле, расшитом серебром, которое поблёскивало тускло, как старая монета. Руки на подлокотниках — длинные, тонкие, с пальцами, которые лежали слишком неподвижно, чтобы быть живыми. Голова чуть наклонена, будто он рассматривал что-то на полу. Или слушал.

Камин не горел. В очаге лежал пепел — серый, мелкий, такой ровный, что казалось: его не трогали годами.

— Ты опоздала, — сказал он, не поднимая головы.

Голос его был странным. Не хриплым, не замогильным — просто тихим, как будто слова проделывали долгий путь, прежде чем долететь до неё. Будто он говорил из другой комнаты. Или из другого времени. Голос этот прошёл сквозь неё — и Элара почувствовала, как у неё под ложечкой сжалось. Не страх. Что-то другое. Что-то, чему она не знала названия, и от этого было ещё страшнее.

— Меня привели, как только стемнело, — ответила она.

— Я не могла прийти раньше.

— Я не про сегодня. — Он наконец поднял глаза.

Элара замерла.

Она готовилась к мертвецу. К серой коже, к провалам глазниц, к запаху тлена, о котором шептались женщины на рынке, крестясь и сплёвывая через левое плечо. Она готовилась к чудовищу — к тому, что описывали в церковных книгах: «и явится он в обличье человека, но человеком не будет, и душа его — как колодец без дна». Она готовилась задержать дыхание, отвести взгляд, не смотреть — и молиться, чтобы он не коснулся её.

Но перед ней сидел мужчина.

Живой — на первый взгляд. Бледный, да. Настолько бледный, что под кожей, казалось, можно было разглядеть, как течёт кровь — если она там текла. С лицом, которое казалось высеченным из мрамора кем-то, кто слишком хорошо знал, что такое тоска, — слишком правильные черты, слиш-

ком резкие скулы, слишком тёмные глаза. Волосы — чёрные, чуть длиннее, чем принято сейчас, собраны на затылке простой лентой, и одна прядь упала на лоб, и он не убрал её.

Но живой. Дышащий. Настоящий.

Если не считать одной детали.

За его спиной, на стене, висело зеркало в тяжёлой раме — тусклой, с пятнами, будто от слёз. И в зеркале кресло было пустым.

Элара моргнула. Посмотрела снова. Кресло в зеркале — пустое. Камзол, руки, наклонённая голова — ничего. Только бархатная спинка, тёмная, как ночное небо, и пепел в камине за ней.

Сердце её стукнуло так, что она услышала это в ушах. Она перевела взгляд с зеркала на него — и обратно. Снова. Снова. В зеркале — никого. Перед ней — он.

Он заметил её взгляд и усмехнулся — кривой, невесёлой усмешкой, от которой один уголок его рта поднялся чуть выше другого.

— Не смотри туда, — тихо сказал он, делая шаг вперёд и заслоня собой стекло. — Зеркала не отражают то, чего уже нет.

— Тебя там нет, — прошептала она. И тут же пожалела, что прошептала. Хотелось спросить громче. Хотелось, чтобы голос не дрожал.

— Меня много где нет. — Он встал.

Движение было плавным, почти жидким, как у кошки, и

Элара поймала себя на мысли, что не услышала, как скрипнули половицы. Не услышала, как шевельнулась ткань. Не услышала дыхания. Только — его. Появившегося ближе, чем был.

Он стоял теперь в трёх шагах от неё. И она почувствовала его запах.

Не тлен. Не пыль. Не то, чего она боялась.

Пахло холодом. Тем особенным холодом, что бывает ранним утром, когда туман ещё стелется по земле, и воздух такой чистый, что им больно дышать. Пахло камнем после дождя. И чем-то ещё — чем-то, что она узнала, хотя не должна была узнать. Чем-то, что было в доме матери. В ночь перед её исчезновением.

Колени её стали ватными. Она сжала руки в кулаки, чтобы не упасть, и почувствовала, как ногти впиваются в ладони. Боль была хорошей. Боль была живой.

— Вопрос в том, — сказал он, — где я есть.

Он подошёл к столу и остановился напротив неё. Так близко, что она видела, как в его глазах — серых, цвета грозового неба перед дождём — отражаются свечи. Два крошечных огонька, которые дрожали. Хотя пламя на столе стояло ровно.

Между ними — хлеб, соль, два кубка и один пустой. Он смотрел на неё, не отрываясь, будто перед ним была не девушка в чужом свадебном платье, а то, что он потерял очень давно и наконец нашёл, — и Элара почувствовала, как по

шее — медленно, предательски — поднимается жар. Не от страха. От того, что он смотрел. Не на платье. Не на лицо. Как будто — сквозь. Как будто читал то, что она сама прятала даже от себя.

Она невольно провела ладонью по ключице — там, где кружево врезалось в кожу. Жест этот был глупым, детским, она знала. Но руки жили своей жизнью.

— Ты знаешь, зачем ты здесь? — спросил он.

— Чтобы снять проклятие. — Элара старалась, чтобы голос не дрожал. Получалось плохо. — Обряд Полночного Венчания. Три ночи. Я принимаю тебя — чума отступает.

Он не ответил сразу. Только чуть наклонил голову — так, что прядь волос упала ему на глаз, и он на этот раз её убрал. Медленно. Двумя пальцами. Элара поймала себя на том, что смотрит на его руку — на то, как тонки его пальцы, как чётко проступают под кожей вены, синеватые, почти чёрные.

— Так тебе сказали, — произнёс он наконец. — А ты веришь всему, что говорят?

— У меня нет выбора. — Она сжала кулаки ещё сильнее. — Город умирает. Люди засыпают и не просыпают. Если обряд поможет — я сделаю это.

— Поможет, — повторил он, и в его голосе было что-то странное — не согласие, не отрицание, а скорее усталая ирония. — Да. Конечно. Поможет.

Он отвернулся и подошёл к окну. Плечи его — в тёмном камзоле, с той самой серебряной вышивкой — казались тя-

жёлтыми, будто он нёс на них то, чего она не видела. За стеклом была ночь — чёрная, безлунная, и город внизу не горел огнями. Морхейвен спал. Или умирал. С третьего этажа было не разобрать.

Элара смотрела ему в спину — и не могла отвести взгляд. Что-то в ней — то, что она считала разумным, осторожным, выжившим — кричало: бойся. Не подходи. Не разговаривай. Но другая часть — та, о существовании которой она подозревала, но которую прятала подальше, — шептала другое.

Посмотри. Узнай. Он — не то, что тебе сказали.

Она сделала шаг. Потом ещё один. Сама не заметила, как. Туфли — тесные, на тонкой подошве, в которых она ходила только по праздникам, — стучали по каменному полу слишком громко. Она замерла. Но он не обернулся.

— Меня зовут Элара, — сказала она.

Он не обернулся.

— Я знаю.

— Откуда?

— Ты стояла на пороге. Я слышал твоё имя — не от священников, а от самого воздуха. Оно... звенит.

Элара нахмурилась. И тут же поймала себя на том, что шагнула ближе. На один шаг. Потом на второй. Она не помнила, как это произошло. Просто — оказалась ближе. Так близко, что могла бы коснуться его плеча — если бы осмелилась.

— А тебя? Как тебя зовут?

Он обернулся — медленно, будто каждое движение давалось ему с трудом. И посмотрел на неё. Прямо. Без усмешки. Без усталости. Просто — посмотрел.

Элара поняла, что дышать стало труднее.

— Каспиан, — сказал он. — Лорд Каспиан Рэйвенхарт. Хотя какой я теперь лорд.

— Для меня — просто Каспиан, — сказала она. И тут же подумала: что я делаю? Я говорю с мертвецом на «ты». Я стою в двух шагах от него. Я — не отступаю.

Он усмехнулся — на этот раз чуть теплее. И от этой усмешки что-то в её груди — то, что она считала замёрзшим давно, ещё с детства, — дрогнуло.

— Хорошо, Элара. Просто Каспиан.

Они стояли друг напротив друга — живая и мёртвый, невеста и жених, — и между ними было что-то, чему не было названия. Не любовь. Не страх. Что-то посередине. Что-то, от чего воздух между ними казался натянутым, как струна.

За окном часы начали бить.

Полночь.

— Первая ночь началась, — тихо сказал он.

Элара кивнула. Она не знала, что будет дальше. Не знала, переживёт ли эту ночь, или следующую, или третью. Не знала, почему её руки — те, что должны были дрожать от ужаса, — вдруг стали тёплыми. Почему сердце — то, что должно было колотиться в панике, — билось ровно, почти спокойно.

Но она знала одно:

Этот мертвец был не тем, кого ей описывали.

И это пугало больше всего.

Потому что чудовища она бы боялась. Чудовище было бы понятным.

А это — было непонятным.

И от этого — тянуло.

Глава 2. Первая ночь

Они стояли — и тишина между ними была гуще, чем тьма в углах комнаты. Элара чувствовала, как от Каспиана идёт холод — не тот, что от открытого окна, а другой, внутренний, идущий из самой его кожи. Ей хотелось отступить. Разум кричал: отступи. Но ноги не слушались.

Он первым нарушил молчание.

— Садись, — сказал он. Голос его был мягче, чем раньше, но в этой мягкости было что-то властное — не приказ, а просьба, которую нельзя не услышать.

Элара не села. Она смотрела на него — и не могла перестать смотреть. На то, как ложится свет свечей на его скулы. На то, как чуть заметно вздымается его грудь — будто он дышал по привычке, а не по нужде. На то, как его пальцы — длинные, с тёмными, почти чёрными ногтями — лежали на спинке стула, и она вдруг поймала себя на мысли: а что он делал этими руками, когда был жив?

— Сначала ответь, — сказала она. — Почему ты знал моё имя?

Он молчал так долго, что она успела подумать: не ответит. Но потом он повернулся к камину и протянул руку к пеплу. Пальцы его прошли сквозь серый порошок — и Элара увидела, что под пеплом что-то есть.

Дерево. Дно камина было выложено резными панно, и

Каспиан провёл рукой по одному из них — длинному, узкому, с фигурами, переплетёнными в танце.

— Посмотри, — сказал он.

Элара подошла. Факелы у стен горели ровно, и свет их падал на резьбу так, что фигуры будто шевелились. Мужчина и женщина — в одеждах, которые она видела только на старых гобеленах в ратуше. Он держал её за руку, она — за плечо. Головы их были склонены друг к другу, и между губ — расстояние в один вдох.

— Это ты? — спросила она. — И она?

— Это мы. В ночь свадьбы.

— Сто лет назад.

— Сто лет назад, — согласился он. — Но посмотри внимательнее.

Элара наклонилась. Женщина на резьбе была в высоком воротнике, с длинными рукавами, с подолом, что стелился по полу. И на её безымянном пальце — кольцо. Тонкое, с маленьким камнем.

Элара замерла. Она видела это кольцо. Не на гобелене. Не в книге. В жизни.

На пальце матери.

Сердце её стукнуло так, что она слышала это в висках. Она выпрямилась — резко, слишком резко, — и посмотрела на Каспиана.

— Откуда ты знаешь, как выглядела моя мать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.